

На миг лицо Софии подернулось тенью — удивление сменилось непониманием, промелькнула мимолетная грусть, а затем вернулось прежнее спокойствие. Она тихо произнесла:

— Если вы хотите узнать ответ на такой вопрос, не лучше ли спросить его самого?

Лин Чанфэн, словно ожидавший такого ответа, не стал настаивать. Он лишь сухо кивнул:

— Понимаю. Я выберу подходящее время, чтобы поговорить с ним.

С этими словами он поднялся и направился к лестнице на второй этаж.

— Он еще спит. Вы можете идти.

— Пожалуйста, подождите, — окликнула его София.

Маршал обернулся. Его разноцветные глаза излучали природную силу — тяжелый, властный взгляд заставлял робеть любого.

София опустила голову и горько усмехнулась:

— На самом деле все просто... Синхэ не чувствует себя в безопасности в браке. Если он забеременеет в период защиты брака, то после развода вопрос опеки встанет слишком остро. Будь вы обычным человеком, ему не о чем было бы беспокоиться — любой суд оставил бы ребенка с ним. Но вы — маршал Альянса. У него нет шансов выиграть этот спор, как же ему оставаться спокойным?

Лин Чанфэн молча смотрел на нее.

Он понимал: София говорит правду, но далеко не всю.

— Как вы и сказали, Синхэ вырос на моих глазах, — в светло-голубых глазах Софии блеснули слезы. — Позвольте мне спросить: почему вы хотите это знать? Так ли важно для вас, по какой причине он так отчаянно цепляется за право воспитывать ребенка?

— Это не важно. Какими бы ни были его причины, я уже дал ему слово, — ответил Лин Чанфэн. — К тому же все его опасения строятся на предположении, будто мы обязательно разведемся сразу после рождения ребенка.

София вскинула голову, не скрывая изумления.

Неужели маршал намекает... что развода через год не будет?

— Мне просто любопытно. Он ведь и сам еще совсем ребенок, — ровным тоном добавил Лин Чанфэн. — Если вы считаете мой вопрос бестактным, можете не отвечать.

София перевела взгляд за окно, где колыхались ветви деревьев. После долгого молчания она тихо произнесла:

— Синхэ... не похож на остальных детей в приюте. Он оказался у нас не потому, что остался сиротой. Отец привез и сдал его собственными руками.

Лин Чанфэн слегка нахмурился.

— Закон о подборе супругов калечит судьбы, — продолжала София. — Из-за него на свет появляются дети, которые не нужны собственным родителям. Альянс может силой заставить людей вступить в брак, но не может заставить их любить и воспитывать потомство. Если оба супруга отказываются от опеки, закон позволяет им в первые шесть месяцев жизни младенца передать его в приют. Юридически это даже не считается отказом от ребенка.

— А мать? Она тоже от него отказалась? — спросил маршал.

София покачала головой:

— Синхэ привезли к нам, когда ему было чуть больше четырех месяцев. В документах его отец значился единственным опекуном — значит, мать отказалась от прав еще раньше. Ходили слухи, что отец был мелким коммерсантом. После рождения сына он выплатил матери крупную сумму, чтобы та навсегда исчезла из их жизни. Но уже через пару месяцев он нашел новую пассию, а той мешал чужой ребенок. Вот его и сдали в приют... Конечно, это лишь сплетни, которые теперь не проверить. Но правда это или нет, все эти разговоры в конце концов дошли до ушей Синхэ.

В разноцветных глазах маршала промелькнуло сложное, нечитаемое чувство.

— Ему плохо жилось в приюте? — спросил он.

На лице Софии отразилась глубокая печаль:

— Синхэ всегда был необыкновенным. Умный, упрямый, несгибаемый — для Альфы это неоценимые достоинства, но он родился Омегой... Сами знаете, в нашем обществе ценят покорных, хрупких Омег, льнущих к партнеру, словно нежный плющ. На их фоне Синхэ казался бунтарем и чужаком.

Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Меня перевели к ним, когда Синхэ учился во втором классе. Я тогда была обычной учительницей. Еще до перевода коллеги предупреждали меня, что в классе есть невыносимый задира — Омега с ужасным характером. Но когда я впервые увидела его... Передо мной стоял маленький, худенький ребенок. На лице у него красовались ссадины, а руки были покрыты синяками.

Лин Чанфэн медленно прикрыл глаза.

София замялась, словно хотела добавить что-то еще, но так и не решилась.

— Лекарство я оставляю здесь. Если ко мне больше нет вопросов, я пойду.

У самой двери она обернулась:

— И еще одно... Когда Синхэ говорит, что с ним все в порядке, это далеко не всегда так. Если бы у него не начался сильный жар, он никогда бы не попросил меня привезти лекарства.

С этими словами она ушла.

Лин Чанфэн замер, а в следующую секунду резко развернулся и быстрыми шагами направился в спальню Сюй Синхэ.

Тот все еще спал, но на его щеках горел нездоровый, пугающий румянец.

Подойдя к кровати, маршал приложил ладонь к его лбу.

Кожа буквально пылала.

— Дэвид, измерь его температуру.

На запястье Лин Чанфэна тускло блеснул экран коммуникатора. Раздался короткий сигнал:

[Температура: 39,1 °C. Сильный жар. Рекомендуется срочное медицинское вмешательство.]

У Лин Чанфэна дрогнули веки.

«И этот упрямец еще утверждал, что все в порядке?!»

— Просыпайся, — Лин Чанфэн осторожно коснулся плеча спящего. — Вставай, нам нужно в больницу.

Голос его звучал мягко, но в интонациях сквозила непреклонность.

Сюй Синхэ, которого растолкали сразу после того, как он наконец сумел забыться беспокойным сном, мгновенно вспыхнул от злости. Но голова раскалывалась, сил спорить не было, поэтому он просто зажмурился, решив притвориться мертвым.

Лин Чанфэн окинул его взглядом, коснулся наушника и набрал номер секретаря:

— Свяжись с Третьей военной больницей, пусть подготовят палату. У меня пациент с сильным жаром. Реанимобиль не нужен, я привезу его сам.

Слыша, как маршал без его согласия решает все за секунды, Сюй Синхэ разозлился еще сильнее. Он уткнулся лицом в подушку и глухо прохрипел:

— Никуда я не поеду.

Отключив связь, Лин Чанфэн склонился над ним:

— Переоденешься или поедешь так?

Сюй Синхэ промолчал.

«До чего же он невыносим!»

Горло нещадно драло при каждом слове, поэтому он решил проигнорировать вопрос, выражая протест всем своим видом.

Немного подождав и не дождавшись ответа, Лин Чанфэн развернулся, взял свое форменное пальто и подошел к кровати. Без лишних церемоний сдернув одеяло, он завернул беззащитного больного в тяжелое сукно и легко поднял на руки.

Во второй раз все прошло как по маслу. Сюй Синхэ даже опомниться не успел, как лишился теплой постели.

— Лин Чанфэн, немедленно отпусти меня! — Сюй Синхэ никак не ожидал, что впервые назовет великого маршала по имени при таких обстоятельствах.

В душе он крыл его последними словами. Извиваясь всем телом и напоминая ошкетинившегося зверька, он отчаянно забился в стальной хватке, пытаясь вырваться.

— Не дергайся, — Лин Чанфэн бросил строгий взгляд на разбушевавшегося ежа в своих руках.
— Упадешь.

Разумеется, физическая сила маршала позволяла ему удержать хоть троих таких Сюй Синхэ. Однако, во-первых, его собственные руки еще не до конца зажили после недавнего ранения, а во-вторых...

Он почувствовал, как от гнева феромоны Омеги вспыхнули с новой силой.

Сладкий, пьянящий аромат в одно мгновение заполнил все пространство вокруг.

Это не на шутку отвлекало.

Лин Чанфэн сжал объятия, лишая его любой возможности шевельнуться.

Услышав предупреждение, Сюй Синхэ все же прекратил сопротивление. Чувства кричали о

несправедливости, но здравый смысл подсказывал, что с такой температурой больница действительно необходима.

— Отпусти, я пойду сам, — сипло выдавил он.

Лин Чанфэн посмотрел на него сверху вниз.

Этот колючий зверек был слишком гордым. Невероятно упрямым и гордым, причем совершенно не к месту.

И все же маршал разжал руки, позволяя ему встать на ноги.

Взгляд Лин Чанфэна по-прежнему был прикован к юноше.

«Если бы его феромоны имели земное воплощение, они бы походили на бутон редкого цветка, распускающийся среди увядания. Миг цветения — и мир замирает от неопишуемой красоты»

Маршал бесшумно следовал за ним шаг в шаг, не упуская из виду, пока Сюй Синхэ, держась за перила, медленно спускался по лестнице.

Во дворе их ждали три бронированных внедорожника, и еще несколько машин выстроились за воротами. Сюй Синхэ не понимал, зачем для обычной поездки устраивать целый военный эскорт. Он уже собирался спросить, в какую машину садиться, как Лин Чанфэн подошел к одному из автомобилей и лично распахнул заднюю дверь:

— Ложись на заднее сиденье, отдохни еще немного.

В ту же секунду взгляды всех присутствующих скрестились на них.

Бойцы личной охраны маршала замерли в немом изумлении:

«Обычно все открывают двери перед командующим, а тут он сам распахнул дверцу для кого-то другого!»

Сидевший за рулем полковник Льюис озадаченно подумал:

«Хватит ли места сзади? И где устроится сам маршал? Неужели поедет в другой машине?»

Фантазия генерал-майора Цинь Юаня, расположившегося на пассажирском сиденье спереди, зашла куда дальше. Он мгновенно вообразил с десятков вариантов того, как эти двое будут тесниться на заднем диване, и с глубоким облегчением подумал:

«Надо же, столько лет прошло, а наш Чанфэн наконец-то начал что-то понимать в отношениях!»

Но не успела довольная ухмылка расплыться по его лицу, как Лин Чанфэн подошел к передней двери и постучал в стекло:

— Выходи.

Цинь Юань опешил:

— Что?!

Он принялся отчаянно подмигивать Лин Чанфэну, мысленно крича во весь голос:

«Босс, ты вообще умеешь ухаживать?! Залезай назад! Пусть он положит голову тебе на колени!»

Однако маршал проигнорировал все эти знаки. Видя, что подчиненный медлит, он недовольно нахмурился.

Цинь Юаню пришлось на ходу выдумывать оправдание:

— У меня есть срочный доклад, господин маршал. Разрешите поехать с вами, чтобы обсудить все по дороге.

Лин Чанфэн прищурился. Он прекрасно знал, что Цинь Юань не станет заводить разговоры о делах при посторонних, но выставлять его из машины не стал.

— Тогда садись за руль.

Цинь Юань лишился дара речи.

Полковник Льюис мгновенно сориентировался в ситуации, уступил водительское кресло и поспешил к следующей машине сопровождения.

Цинь Юаню ничего не оставалось, кроме как пересест за руль.

— В Третью военную больницу, — скомандовал Лин Чанфэн.

Тяжелый внедорожник плавно поднялся в воздух и полетел по скоростному воздушному коридору, петляя между высотными зданиями столицы.

В салоне царил молчание. Выдержав паузу, Цинь Юань все же не утерпел и тихо пробормотал:

— Босс, если продолжишь в том же духе, на любовном фронте тебе ничего не светит.

Лин Чанфэн, прислонившись к подголовнику пассажирского сиденья с закрытыми глазами, оборвал его, даже не повернув головы:

— Помолчи.

— Да ладно тебе, он уснул, — Цинь Юань кивнул на зеркало заднего вида. По ровному, тяжелому дыханию парня он безошибочно определил его состояние. — Я же серьезно говорю: между Альфой и Омегой должна возникнуть химия, а для этого нужен телесный контакт...

Лин Чанфэн медленно открыл глаза и одарил друга ледяным взглядом:

— Ты его разбудишь.

Цинь Юань мгновенно прикусил язык.

<http://bllate.org/book/18352/1760017>